

бецкой (2007 б {1927}: 546—563), часто ссылаясь на то, что он был неверно понят, всё же фактически вынужден был признать справедливость большинства упреков Д. И. Дорошенко в том, что касалось подробностей проблемы.

Впрочем, быть может, его подвёл не столько даже общий культуралистский подход, сколько прыжок в чуждую ему научную сферу. Ведь кн. Трубецкой — прежде всего филолог (и в своей сфере — даже классик). А в филологии другие принципы ссылок: факты языка считаются общеизвестными. Чтобы сообщить, что латинское слово *res* — V склонения, не требуется указывать, у какого античного автора или в каком современном словаре мы прочитали об этом впервые. Больше того, такое указание может вызвать даже насмешку: неужели автор только вчера об этом узнал? Ссылка нужна лишь там, где приводимая форма встречается лишь в одном тексте или у одного автора: например, «‘вода’ по-испански — *la agua* (женский род), но в стихах Ф. Гарсиа Лорки — обычно *el agua* (мужской род)». Или там, где нас интересует не сам языковой факт, а его интерпретация другими лингвистами.

Не эту ли традицию, оправданную в филологии, Н. С. Трубецкой перенёс в историю, где она более чем неуместна? Вообще, именно в исторических науках, вынужденных добывать объективную истину из заведомо ненадёжных источников, несвободных от предвзятости, где факты всегда смешаны с интерпретациями (если же этот источник — археологический, то все, кроме автора раскопок и тех немногих, кто мог работать с его находкой в музее, вынуждены ссылаться на него тоже только по тексту публикации), так важно указать, из какого именно текста и контекста взято чуть ли не каждое слово. Поэтому правильное цитирование играет здесь такую большую роль, как, пожалуй, ни в одной другой науке.

IV.9.1. Почему «Ура Линда»? Почему не «Сильмариллион»?

Против шутки никто не стал бы возражать, но есть серьёзное возражение против теории, и заключается оно в том, что теория неверна.

С. Н. Паркинсон

Мы уже помним, что Вирт требовал отказаться и от христианства, и от Эдды (и, разумеется, от научной истории) ради «Хроники Ура Линда» — семейной хроники, якобы сохранившей информацию о седой древности, несмотря на то, что рукопись, которую он держал в руках, переписана не ранее 1850 года и несла явные следы подделки. В ответ он ссылался на то, что рукопись многослойная и что её древнейший слой верен.

Прокомментируем эту ситуацию на примере. Дж. Р. Р. Толкиен, как известно, писал «Сильмариллион» с 1910-х годов до конца жизни, не предназначая для печати. «Хоббит» же, принесший ему писательскую славу, и вовсе был сказкой, которую он рассказывал своим детям, сочиняя на ходу, а потом перепечатал (в единственном экземпляре и без окончания) чисто по профессорской привычке. В издательство этот текст попал лишь благодаря активности журналистки, сумевшей выпросить у профессора распечатку, о которой слышала от своей подруги-студентки (Муравьёв 1988: 22), — то есть по чистой случайности. Восторг читателей, требовавших продолжения, стал поводом к написанию «Властелина Колец». А «Сильмариллион» был опубликован уже посмертно — в 1977 г., как материалы к изучению творчества прославленного писателя, в помощь литературоведам; «Книга Утраченных Сказа-

ний» — его черновой вариант, с историей и предысторией текста, — ещё семь лет спустя (Tolkien 1984). И вот тогда-то и начались «Хоббитские Игры»...

Представим себе, что этого не случилось. Журналистка не попала к Профессору, либо он сам отшутился: полноте, это же только игра... «Хоббит» не был напечатан, а значит, и «Властелин Колец» — не написан. Толкиен не привлёк ничего особенного внимания (тем более что и научных публикаций у него мало — он мог десятки лет переделывать один и тот же текст, прежде чем отдать его в печать), поэтому подробности его биографии после его смерти были забыты. А «Сильмариллион» вместе с его ответвлениями — «Утраченными Сказаниями» и прочими — оказался погребённым в его архиве. Там его в XXII веке обнаруживает историк. Что же он видит?

Напомним, как сам Дж. Р. Р. Толкиен рассказывал о замысле своей эпопеи:

«Некогда... я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд — от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своём с землёю, а меньшие обретали великолепие на столь величественном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей Англии. Ему должны быть присущи желаемые атмосфера и свойство, нечто холодное и ясное, что дышит “воздухом” (под почвой и климатом Северо-Запада я имею в виду Британию и ближайшие к ней области Европы, не Италию и Элладу, и, уж конечно, не Восток), и одновременно он должен обладать (если бы я только сумел этого достичь) той волшебной, неуловимой красотой, которую некоторые называют кельтской (хотя в подлинных произведениях древних кельтов она встречается редко); эти легенды должны быть “высоки”, очищены от всего грубого и непристойного и соответствовать более зрелым умам земли, издревле проникнутой поэзией. Одни легенды я бы представил полностью, в деталях, но многие наметил бы только схематически. Циклы должны быть объединены в некое величественное целое — и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!» (Carpenter H. J. R. Tolkien: *Biography*, London: Allen & Unwin, 1977. P.97—98; цит. по: Лихачёва 1993: 93—94).

Так что же увидел бы такой историк будущего — видящий перед собой текст, но не знающий его предыстории? Колоссальный мифологический свод, связанный тысячами нитей с известными мифами и религиями, но при этом без их несовершенства — «очищен от всего грубого и непристойного». Чрезвычайно возвышенная мораль — в этом пункте Толкиен не допускал никаких отступлений от требований католицизма (эту веру выбрала ему мать). Плюс несомненная художественная сила, не оставляющая равнодушным практически ни одного читателя. Плюс стройная система языков, глубоко продуманная и впечатляющая даже нас, знающих, что всё это — только роман. Сочетание тонкой филологической интуиции с креационизмом: чего стоит одна Земля, ставшая круглой лишь после «изменения облика мира» — гибели Нуменора-Атлантиды! И затонувших континентов — хоть отбавляй. И документ аутентичный — никак не менее 200 лет, и за всей его многослойностью видно «очень древнее ядро»: Толкиен, как мы знаем, был профессором древнеанглийской литературы, но сам вспоминал, что строками, которые его поразили и стали началом его мифотворчества, был отрывок из англосаксонской поэмы Кюневульфа «Христос», в которых «угадывалось, если бы только удалось уловить, нечто

очень далёкое, странное и прекрасное, *лежащее за пределами древнеанглийского*» (Лихачёва 1993: 99; выделено мной — Л. М.).

Наш историк всё это обнаруживает, и к тому же он склонен больше доверять мифам (в которых видит «свидетельства очевидцев»), чем «косвенным уликам» — материальным остаткам и радиоуглеродным датировкам. И вот он предъявляет «*Сильмарилион*» научной общественности и требует отказаться от всей «официальной» истории, геологии, палеонтологии, филологии и религии — именем подлинного древнего завета («откровения Мандоса»⁸⁷ или как-то ещё), чудом уцелевшего в *семейной хронике* под пером одного-единственного человека!

А ведь предки Толкиена были из Нижней Саксонии — с древней Фризией (побережьем от Голландии до северного Шлезвига) это соседние места. Может, его семья и не была в родстве с кем-то из авторов «*Хроники Ура Лунда*», но кто поручится, что этот автор не мог быть фантастом в духе Толкиена — в эпоху, когда такое занятие не считалось ни почётным, ни даже допустимым? То есть — был смысл не афишировать своё авторство?

Если бы Г. Вирт отнёсся к своей хронике именно как к фантастическому сочинению в жанре ретроутопии, да ещё плюс некоторая доля иронии, — «*Хроника*» могла бы стать основой для целых серий захватывающих романов в жанре *fantasy*. Но его претензия на научность — да что там: на роль пророка — загубила книгу, которая иначе могла бы стать интересным фактом литературы. Впрочем, главная вина в этом лежит всё же не на Вирте (вспомним, формулировку, с которой он был освобождён в 1945 г.: «вовлечённый по наивности»), а на самих мистификаторах — К. Овер де Линдене и Ф. Хавершмидте, затянувших шутку дольше, чем следовало.

IV.10. Наука без экспериментов?

Это больше чем предположение — это гипотеза.

А. Конан Дойль. Сокровища Агры

Нельзя не удивиться мнению крупного учёного о научном методе, подкреплённому ссылкой на В. И. Вернадского:

«... деление образов мышления, тем самым и наук, по предмету изучения неправомерно. Гораздо удобнее деление по способу получения первичной информации. Тут возможны два подхода: чтение книг или выслушивание сообщений (легенд, мифов и т. д.) и наблюдение, иногда с экспериментом. Первый способ соответствует гуманитарным наукам, царицей коих является филология. Второй — естественным наукам, которые следует подразделить на математизированные и описательные. Математизированные имеют дело с символами; описательные — с феноменами. К числу последних относятся география и биология» (Гумилёв 1990: 235).

То есть даже естественные науки — «*иногда с экспериментом*», гуманитарные же им и вовсе не пользуются. Но ведь от Ф. Бэкона до К. Р. Поппера известно, что эксперимент («метод проб и ошибок», как часто называет его Поппер) — *единственный* подлинно научный метод. Отказавшись от него (или не имея возможности его применить по не зависящим от нас причинам), мы немедленно покидаем сферу науки и переходим в какую-то другую, пусть даже сколь угодно почтенную,

⁸⁷ Мандос (Намо) — в «*Сильмарилионе*» хранитель палат мёртвых и прорицатель, отчасти соответствует греческому Аиду.